

75

ПОБЕДА!

1945–2020

УРАЛЬСКИЕ НОТЫ В ПОБЕДНОМ ХОРЕ

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная
специальная библиотека для слепых

УРАЛЬСКИЕ НОТЫ В ПОБЕДНОМ ХОРЕ

(75-лению Великой Победы: творчество читателей)

Екатеринбург, 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
У68

У68 Уральские ноты в победном хоре (75-лению Великой Победы: творчество читателей) [Издание для слабовидящих] / Свердловская областная специальная библиотека для слепых ; составитель Т. И. Епишина ; ответственный за выпуск И. А. Гильфанова. – Екатеринбург, 2021. – 84 с. : ил.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

© Коллектив авторов, 2021

© Свердловская областная специальная библиотека для слепых, 2021

Содержание

От составителя 5

Часть 1.
Рассказы, воспоминания, эссе 6

Ахтямова Р. З.
Один день 7
«Грустен пир, где нет певца» 14
Тамаридзе – дитя войны 19
Немытов О. А.
Феномен разведчика Кузнецова 30
Панов Ю. И.
Эссе 47
Ермакова Е. А.
Война – это не кино 49
Михеев А., Скрябина Г. А.
Лица войны: мой прадед-связист 53
Крикунова П. Т., Штриттер А. А.
Воспоминания о работе в военное время 59

Часть 2.

Стихи *64*

Кирьянова Т. П.

Клятва Российских солдат 65

Тем утром началась война 66

Панов Ю. И.

«Атака страшная была»... 68

Скажем войнам: «Нет!» 69

Грин Я. Т.

Война 71

Лобанов В. В.

«Нам другого не будет пути»... 73

Мельникова М. Д.

Ветеран 75

Панова Т. Ю.

Имена Победы 77

Посвящается моему прадеду Сорокину Петру Дмитриевичу 79

Сидорова Л. А.

Наше время 81

От составителя

2020 год – Год памяти и славы, посвящен великой дате – 75-летию Победы нашего народа в Отечественной войне 1941-1945 годов.

В этот памятный год в Библиотеке было проведено немало интересных творческих встреч, конкурсов, книжных обзоров и лекций. Так, в рамках Клуба друзей библиотеки была организована встреча «Уральские ноты в победном хоре». Вспоминали о ветеранах, которые есть в каждой семье, читали свои стихи и рассказы, пели песни, рассматривали награды и фотографии – память поколений. Самому младшему участнику – Андрею Михееву – 14 лет, а самой старшей участнице, ветерану Великой Отечественной войны – Крикуновой Пелагее Терентьевне – 94 года.

Итогом встречи стал настоящий сборник творческих работ, воспоминаний, эссе, рассказов и стихов. Библиотека благодарит авторов сборника – читателей библиотеки Р. З. Ахтямову, Т. Ю. Панову, Л. А. Сидорову, Т. П. Кирьянову, В. В. Лобанова, Е. А. Ермакову, М. Д. Мельникову, О. А. Немытова и др.

ЧАСТЬ 1

Рассказы, воспоминания, эссе

Ахтямова
Роза Захаровна

Один день

Рассказ памяти учителя
С. И. Феденёва

День. Чему он равен? Секунде? А, может быть, вечности? Порой это зависит от повседневных мелочей, от мелочей, отдающихся каждый раз мгновенным уколом в душе. К ним трудно, но нужно привыкнуть. Они превращаются в непосильный груз, в долгие, бессонные ночи. И тогда один день становится бесконечным. Поиски смысла жизни приводят к нелепому самоанкетированию. Жизнь делится на две неравные половины. Раздваивается человек, которому она принадлежит. Грустно усмехается из далекого прошлого молодой, жизнерадостный, Полной энергии Андрей Федоров. Он бодро напевает: «Ты не плачь, не плачь, моя Танюша!» А она растерянно улыбается, и слезинки бегут по ее щекам. Растерянная, и такая

близкая, осталась она в памяти Андрея Григорьевича навсегда.

Вспоминая, он как бы заново все переживал. Память – жестокий свидетель. Она сохранила мельчайшие подробности этого дня.

Восьмое мая 1945 года стал для Андрея Григорьевича роковым днем. Может быть, он больше других верил в победу, в завтра, потрясшее мир. Придумать, и описать нечто подобное было бы невероятным кощунством, но нередко жизнь превосходит в своих кощунствах жесточайший вымысел.

День восьмого мая 1945 года наполнился для того молодого, бравого парня грохотом, до боли звоном в ушах, и еще какой-то неразберихой. Даже вспоминая, он чувствовал, физически ощущал, как в лицо ударило горячее, и потом всё исчезло, всё куда-то провалилось.

На мгновение он приходил в себя, но тупая боль наваливалась, давила, и снова всё исчезало. Являлись кошмары. Они быстро менялись, как кадры путаного

фильма. Приходя в себя, он пытался приподняться, но пронизывающая боль в голове тотчас укладывала его. Тело было вялым, чужим.

Однажды, очнувшись, он быстро ощупал бинты, закрывавшие всю верхнюю часть лица. Боль усиливалась, во рту стало горько, противно до тошноты. Вдруг сознание прояснилось. Охватил ужас. Потянулись мысли, цепляясь одна за другую. Ползло нещадное время. И вот уже суровым приговором прозвучали слова усталого хирурга:

- Даже частичного зрения восстановить не удалось. Полная слепота…

Андрей не вернулся в родное село. Да и кто его ждал, – такого? До войны он жил с матерью. Она погибла во время бомбежки. Татьяна? Он рассудил, как ему казалось, трезво.

И всё же, как и для чего дальше жить? Чем в этой жизни заняться? На что расходовать избыток энергии?

До сих пор было не совсем ясно, какая чудовищная сила заставила его жить. Не

трусость в неоднократно принятом решении. Конечно, нет. Но что же? Может, желание узнать, увидеть, во имя чего сражался отчаянно Андрей Федоров, не щадили себя, своей жизни сотни таких же парней? Оправданы ли жертвы, которые они принесли?

Знал он, что не сможет жить так, как жил слепой сосед Иван Пряхин. Иван промышлял тем, что бродил по селам, распевая под растрепанную гармошку слезливые песенки, а после до одури напевался. Андрей не осуждал его, но всегда проходил мимо. Иван вызывал в нем чувство брезгливости.

Другой пример: Слепой и прикованный к постели Николай Островский. Но это недосягаемо высоко, исключение.

Товарищи по службе не оставили Андрея. Они помогли решить кое-какие жизненные проблемы, и даже устроить, что называется, личную жизнь.

Катя, по-матерински ласковая и внимательная, была хорошей хозяйкой и поддерживала в доме порядок. Разница

в возрасте (она была старше на восемь лет) почти не ощущалась. Такие женщины, добрые и во всём посредственные, длительное время прибывают в неопределённом возрасте.

Муж ее погиб на фронте. Ее дочь Ирина выросла, окончила институт, и жила с ними. Катя работала уборщицей в школе.

Шли годы, но Андрей Григорьевич чувствовал себя одиноко. В душе со многим он не мог смириться, ко многому до сих пор не мог привыкнуть. Его раздражали расспросы случайных прохожих, вздохи сердобольных бабусь. Он искренне протестовал, когда ему в переполненном трамвае уступали место.

Невольно вникая во всё, что происходило вокруг, прислушиваясь к разговорам, он начинал безмолвно спорить, анализировать, что-то доказывать себе. Но всё, Что было вокруг него, жило своей жизнью. Радио вещала о новостях страны, каждое утро люди спешили на работу, и шутя и бранясь на ходу.

Спешил и Андрей Григорьевич. Школьный вопрос «кем быть»? тоже был для него как-то решен. Он стал учителем пения.

Каждое утро он приходил в огромное, шумное здание школы. Его обволакивали резвые, детские голоса. В учительской изо дня в день все приветствовали всех, спрашивали вежливо о делах.

Со звонком школа замирала. Замирало и сердце Андрея Григорьевича: Как пройдет этот день?

Он никогда не повышал голос, не упрекал детей, но иногда с трудом проглатывал обиду. Порой им становилось скучно, и они громко разговаривали, перебрасывались записками, прогуливались по классу. Они просто шалили, пользуясь правом на детство. Другого им пока не дано было знать.

Случалось, в классе раздавался робкий голосок:

- Поиграйте, пожалуйста…

К нему быстро присоединялись другие.

Андрей Григорьевич не владел мастерством исполнителя, да и репертуар его был весьма ограничен. Желание пополнить его, что-нибудь разучить по нотам, наталкивалось на молчаливую раздражительность Кати. Она начинала передвигать стулья, включала громко радио, или вовсе выходила из комнаты. А наказывать ее было не за что.

Но, и то, немногое, чем располагал Андрей Григорьевич, слушатели благодарно принимали. Внезапно в классе становилось тихо. О чём они думали в такие минуты? Что представлялось их беспечному воображению? Быть может, именно сейчас в них зарождалось то бесценное, человеческое, что произрастёт и останется до конца жизни. И никакие обстоятельства, ничто не сможет его вырвать с корнем. Непонятное, необъяснимое чувство охватывало и самого Андрея Григорьевича и, казалось, звучало ответом на его бесчисленные вопросы, на вопросы, тревожившие его в долгие, Бессонные ночи.

Наступало утро. Город постепенно оживал. За окном проскрежетал первый трамвай. Вздохнул. Помчался дальше. Наверное, пустой.

1969 год

«Грустен пир, где нет певца»

«Он встретил их!!!»

Встретил их на «Истребителе».

Николай Федорович Мёдов до тяжелой контузии служил в авиации. А после – в зенитной артиллерии. Случилось и такое ранение, что живьем землей засыпало. Тем и запомнился город Белая церковь, и госпиталь под ним. Ох, и отважный же был у него командир: лез в самое пекло. А отряд, естественно, за ним…

Пожизненный подарок получил от фашиста Мёдов. Так и живет с осколком. Это называется «слепое ранение».

- Пишут про генералов, про полковников… А кто я? Всего лишь рядовой.

Ничего особенного, – говорит Николай Федорович.

На фронте оказался он в семнадцать лет. А братишка его – Виктор пошел добровольцем в пятнадцать. Не пошел, конечно, а сбежал.

К сожалению, Виктор погиб.

Выходит, Мёдовы-то не совсем рядовые. А рассказ Николая Федоровича подтверждение тому.

«Память горестей и благ»

Орехово-Зуево. Длинные, двухэтажные дома, называемые в народе «казармами». Строили их до революции фабриканты – для рабочего люда. В казармах кипит своя жизнь, и всё в них учтено: имеется Красный уголок, танцевальный зал, постоянно работает баянист, создан шумовой оркестр, в котором играл и маленький Коля Мёдов.

По выходным взрослые и дети веселятся, водят хороводы. Ни один праздник, ни одна свадьба не обходится и без его матери – Марфы Мёдовой.

Ее изумительное колоратурное сопрано звучит в хоре Пятницкого.

За голос Коли-колокольчика волнуются учителя, просят поберечь до совершеннолетия. Но он поет. Не может ни петь. И обучается игре на фортепиано.

«Так захотело проведение».

Служил Николай с 1942 по 1948 год.

А после – Лениногорские шахты. Будучи самодеятельным артистом, исколесил он всю страну, пел на целине и на новостройках Сибири.

Его рекомендуют в консерваторию, но он выбирает хоровую студию при оперном театре в Алма-Ате (ныне Алматы).

Исполнение Мёдовым песни «Вижу чудное приволье» вызывает восторг экзаменатора – Куляш Байсеитовой.

Редчайший лирико-драматический тенор Николая Мёдова звучит в хоре таких опер, как «Риголетто», «Пиковая дама», «Травиата», «Кыз-жибек», «Чио-чио-сан», «Князь Игорь».

Тепло вспоминает Николай Федорович о тех, кто был тогда с ним рядом: Роза Багланова, Ермек Серкебаев, братья Абдуллины, Эра Епонешникова, Борис Урусов.

- Много славы, а денег мало! Такова участь художника, актёра! – подшучивала хормейстер Роза Николаевна Галимзянова, получавшая по высшей категории 90 рублей.

Была она требовательна, но, в то же время, – очень человечная.

- Солист начинается с хора, – говорила Роза Николаевна часто. А некоторых урезонивала:

- Спеть не можете, так хотя бы просвистите, что ли!

Мёдова ценила, и всегда, когда он отсутствовал, сокрушалась.

А отсутствовал он все чаще. Подрабатывал.

Вначале грузчиком. А потом и вовсе оставил театр: После двенадцати лет работы в профессиональном коллективе…

Кем только не был с тех пор? Работал проводником. Даже делал бумажные абажуры на продажу…

О себе рассказывал неохотно, но с песней не расставался. Пропев, между прочим, отрывок из оперы, или романс, Мёдов приводил всех в замешательство:

- Слушай, ты же, как настоящий артист?! – говорили ему.

«Еще просит сердце света и тепла»

И сейчас поет, на встречах, когда попросят… Но встречи все реже и реже. Здоровье не позволяет. Слушает Николай Федорович только классику, вспоминает прошлое. Жалеет о распаде Союза, о прерванных связях с родственниками и однополчанами. Сетует на то, что приходится жить в постоянном напряжении, в страхе: А вдруг не хватит сил пережить худшее? Говорит, не жалуясь. Жаловаться не позволяет самолюбие и гордость творческого человека и бойца.

И на мой вопрос:

- А что, если бы всё сначала?..

отвечает как подлинный артист:

- «…Читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю!»

2000 год

Тамаридзе – дитя войны

«Кто способен всё претерпеть,
Тому дано на всё дерзнуть»
(Л. Вовенарг)

А кто же мог знать, чьё она дитя?

Томка, Тамарка, которую в детском доме ребята прозвали «Тамаридзе». Почему так? Может, потому, что детский дом, находился в Грузии? А, может, потому что была у них ещё одна Томка? Тихая, робкая, как будто боялась всё время чего-то. Не такая. Совсем не такая, как Томка Полюшкина – Тамаридзе.

Я нарочно сейчас обозначила фамилию Тамары, чтобы вы, мои дорогие читатели, не перепутали фамилию девочки с прозвищем. Но дело не только в этом. Я расскажу вам, как и почему она сама изменила свою фамилию.

Томка-Тамаридзе никогда не унывала и была уж очень отчаянная да боевая. Вечно что-то придумывала и фантазировала. Воспитательница Галина Андреевна называла её авантюристкой.

Не помнила Томка-Тамаридзе ни отца ни матери. Нет, мать-то ещё вспоминала, хотя и смутно, ничего толком не понимая. В детском доме говорили, что погибла она при бомбёжке. А про отца взрослые молчали. Молча переглядывались, когда спрашивала о нём Томка.

Отец, конечно, был. Был обязательно. А как же иначе?

Она дала себе слово, что непременно отыщет его. Повзрослеет и найдёт. И уже заранее думала, как будет гордиться отцом. А если его ранило на фронте, и он стал инвалидом, так Томка посвятит ему всю жизнь свою. Если даже придётся с ложки кормить, она готова. Главное, чтобы живой был.

Отец снился Томке. Снился таким, каким она его представляла. Высокий красавец в военной форме. Волосы тёмные, а глаза серые, весёлые. Да, глаза, как у неё самой. Он брал Томку на руки и подкидывал высоко-высоко. А она казалась себе уже взрослой и чувствовала себя неловко. Ведь на руки берут, как правило, малышей. И – просыпалась.

Став взрослой, Томка поняла, что таким образом во сне росла, да и взрослела тоже.

Много книг перечитала Томка. Всю школьную библиотеку перерыла. Но с особым удовольствием и с интересом читала о войне. Всё думала, а вдруг какой-нибудь писатель написал, хотя бы два слова, об отце.

С ребятами не делилась. Начнут смеяться, подшучивать. Скажут: «Тамаридзе, ты – дурочка! Если бы он был герой, то давно бы нашёл тебя». Может, и шутили бы не со зла, а так… Завидовали бы, может быть.

Правда, были и другие ребята, которые ждали своих родителей и не хотели верить, что убиты они, или умерли от болезней. А если живы, то найдут же когда-нибудь. Обязательно найдут.

Однажды попала ей в руки небольшая книжка, где описывались военные события. Героем этого произведения был Иван Петрович Полишкин. Отважный, ловкий, добрый и умный. Томка аж присвистнула! Вот это да! Конечно, – он! Кто же

ещё?! Её распирала такая гордость, что больше ни о чём не могла думать. Автор книжки, наверняка, нарочно изменил фамилию отца. Или, может, перепутал случайно. Ведь вполне такое возможно.

Решила Томка написать в редакцию письмо, а ребятам пока ничего не говорить. Вот, когда подтвердится, тогда другое дело: можно и сказать. Да ведь они с ней вместе порадуются.

Пришло время вступать в Комсомол. Заполняя анкету, Томка заменила одну букву в своей фамилии, и стала Полишкина Тамара Ивановна. Представьте, отчество ей не пришлось менять. Правда, перед тем она уже думала, что, может быть, когда оформляли её в детский дом, в спешке написали не ту букву. Возможно, путаница-то произошла как раз с её фамилией.

- Ты что, Тамаридзе, фамилию свою забыла? А, я понял, ты забыла буквы, – Секретарь начал громко хохотать. Томка сразу предупредила Николая, предъявив свой худенький кулак.

- Молчи! Понял? Ты ничего не заметил, – такую версию придумала для него. У всех бывают всякие ошибки.

Слава богу, - пронесло. Позже Тамара Полишкина поменяла злосчастную букву во всех остальных документах. Но было это уже позже. А пока она продолжала ждать ответа из редакции на свой запрос. Долго пришлось ждать. И всё тяжелее на душе становилось. Вдруг всё-таки не получится найти? Как же тогда жить-то ей?

И вот, в один из печальных дней во всей жизни Томки ответ пришёл. Простое, официальное письмо на редакционном бланке, где сообщалось, что Иван Петрович Полишкин – лицо вымышленное. Коротко и ясно. Да только от этого не легче Томке. Рухнули многие мечты, развалились планы на дальнейшую жизнь. Всё теперь будет другим. Всё надо менять. А что одна буква? Она уже ничего не значит. Пусть остаётся так, как получилось.

Были и радостные и счастливые дни в жизни Томки-Тамаридзе. Наступали такие дни после всяких неожиданных фан-

тазий, приходивших в её отчаянную голову. Ей удавалось сделать счастливым весь детский дом, удивить и развеселить воспитателей.

Прочитала как-то Томка в календаре о том, что День рождения Никиты Сергеевича Хрущёва пятнадцатого апреля. Удивилась Томка! Всё бы ничего, да у неё-то самой День рождения шестнадцатого апреля. Рядышком получается. Решила дождаться и поздравить главу государства. Заодно, о себе написала, о своём Дне рождения. Ребята со смеху покатывались, спрашивали на каждом шагу:

- Ну, что, Тамаридзе?! Получила открыточку от Хрущёва?! Может, он и пряничков тебе пообещал прислать?!

Томка не обижалась. Она думала: «Смейтесь! Смейтесь! Поживём – увидим».

На сей раз долго ждать не пришлось. Пришла она как-то с прогулки, а Галина Андреевнасребятамиужеждутеё.Вруках у воспитательницы письмо и две бумажки. Бумажки эти – извещения на посылку.

И вес там приличный. От кого письмо? Посылки от кого? Догадываетесь? Да, от Никиты Сергеевича! И всё на Томкино имя!

- Пляши, Тамаридзе!

- Галина Андреевна, не давайте, пока «Лезгинку» не сбацает!

- Ну, Тамаридзе! Начинай!

Так кричали ребята, окружившие Томку. Воспитательница весело смеялась, подталкивала её в середину круга. Откуда ни возьмись, и Костя с гармошкой выскочил, и давай! И давай зажигать! А Томка разулась для удобства, и пошла! Она Громко стучала голыми пятками в такт «Лезгинки». Утомилась, аж вспотела!.. Потом вскрикнула вдруг:

- Галина Андреевна! Закроют же почту! Надо бежать! И письмо-то дайте прочитать!

- На почту успеешь. Они уже сами нам сколько раз позвонили. Да вот, только одна не унесёшь. Бери подружку с собой. Письмо держи! Заработала!

Томка схватила письмо, бережно, хотя и спешила, распечатала конверт.

В письме Никита Сергеевич Хрущёв благодарил Томку за поздравление и сам поздравлял её. Писал, чтобы хорошо училась. А когда приедет в Москву, обещал с ней встретиться и накормить мороженым до отвала. Передавал большой привет всем детям и сотрудникам детского дома.

- Тамаридзе, дай почитать, - просили ребята. Ей не жалко. Лишь бы не потеряли, вернули.

- Под мою ответственность, - заверила её Лена Суркова.

Томка позвала на почту самую близкую подружку Тосю, да только самой тощей и слабенькой была её подружка. Решили Фёдора из старших классов взять с собой. Нашлись и другие охотники помочь, но Галина Андреевна строго сказала:

- Нет уж! Так дело не пойдёт! Нехорошо это – ходить колхозом. Отвыкайте. Вы уже взрослые.

- Особенно Тамаридзе наша, - пискнул кто-то из ребят. Все засмеялись. А Тося важно сказала:

- Конечно! Она же переписывается с самим Никитой Сергеевичем Хрущёвым!

- Хватит болтать! Пошли! – Скомандовала Томка.

Две огромные посылки ребята еле дотащили. А когда вскрыли, сколько было радости! Словами не передать!

В одной посылке были только продукты. Особенно порадовались сладостям. Столько конфет и печенья они никогда не видели в своей жизни.

Второй посылке больше всего были рады девчонки. Там обнаружили самые разные ткани. Красота невозможная! Глаз не оторвать!

Рассмотрев ткани, прикладывая к своим худеньким плечам, представляя, как будут выглядеть в нарядных новых платьях, девчонки, вместе с Галиной Андреевной, торжественно передали второй, огромный ящик вахтёру тёте Мане. Тётя Маня толк в тканях понимала. Когда-то бабушка её шила наряды, не хуже любого модельера. И тётю Маню научила.

Сразу же взялась она снимать мерки да кроить так, чтобы всем девчатам хватило. Может, и малышкам из обрезков что-то придумает тётя Маня.

Платья получились на славу! До сих пор хранит Тамара Ивановна фотографии, где они с подружкой в платьях с оборками сняты. Нарядные, улыбающиеся во весь рот.

Повзрослела Томка. И жених у неё был, да только не вышла она за него. Искал он богатую невесту себе. А откуда у Томки богатство возьмётся, если всю жизнь одна. Пропала бы, если бы подруги не помогали.

Поехали с девчонками в Краснодарский край. Работали там на стройке. А руки у неё, у Томки, надо сказать, золотые.

Оказалась она, в конце концов, на севере, в Мурманской области. Здесь я и познакомилась с ней в 2002 году. Разговорились. Уговорила её помочь мне с ремонтом.

Да, повзрослеть-то повзрослела, а характер всё тот же. Боевая, смешливая,

она охотно рассказывала между делом о своём житье-бытье. Казалось, что характер Тамаридзе совсем не изменился, несмотря на то, что лиха хлебнула через край.

И была она как-то по-своему счастливым человеком. Говорила, что, в конце концов, поняла, как много зависит в жизни от самого человека, если он более или менее здоров. Хуже, когда зависишь от других, от людей бездушных и глупых. Они, такие люди, к тому же, жадные и жестокие.

А я вспомнила высказывание Руссо, в связи с нашей беседой:

«Единственное искусство быть счастливым – сознавать, что твоё счастье в твоих руках».

2020 год

Немытов
Олег Анатольевич

Феномен разведчика Кузнецова

Этого героя должен знать каждый уралец. А посему нет смысла рассказывать о каждом его подвиге отдельно.

К сожалению, наши доморощенные «либералы» стараются совместно с нашими недоброжелателями из «цивилизованного» запада почему-то выветрить в нас память о нашем героическом прошлом. В нынешней Украине считают, что наш герой - разведчик Николай Кузнецов воевал с украинцами, вообще, это был герой вымышленный.

Конечно же, это всё возникло не на пустом месте, не без старания Советской Коммунистической власти, окружившей имя нашего земляка не подтвержденными фактами и мифами. Никогда он не был ни активным пионером, ни комсомольцем и коммунистом, даже в наградном листе было написано «беспар-

тийный». И никогда он не происходил из бедной нищей семьи, униженной царским режимом.

Феномен Николая Кузнецова заключался в том, что он идеально говорил на немецком языке. Аналогичного разведчика из представителей «фатерлянда», из самих носителей языка, не было – на них хорошо работала армия наших предателей. Сам Николай Иванович о своём таланте, говорил, что он уделял изучению языка большую часть свободного времени, и не так уж легко он ему давался.

И так, Николай Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области, вначале имея имя Никанор, которое ему не нравилось, и в техникуме он стал писаться как Николай. Родился в семье крепкого крестьянина Ивана Степановича Кузнецова, который проходил действительную службу в кавалерии, в лейб-гвардии, и в Санкт-Петербурге дослужился до чина фельдфебеля.

Служа в Питере, отец хорошо понял: чтобы подняться выше чина фельд-

фебеля, ему не хватает образования. Вернувшись со службы, он решил воплотить свои амбиции в детях, поэтому постарался дать им образование, какое было тогда возможно. В 6 лет Николай, он же Никанор, умел читать и писать. В Талицкой школе ему повезло с преподавателем иностранного языка: там немецкий язык преподавала бывшая гражданка Швейцарии. Надо заметить, что он полюбил этот предмет больше других, так как он ему легко давался. Дополнительно стал ходить к аптекарю, бывшему военнопленному немцу Краузе, оставшемуся в России на Урале, где дополнительно практиковал разговорный язык.

После окончания школы Николай поступил в Талицкий лесотехнический Техникум, где дополнительно стал учить язык эсперанто.

Но, как известно, в 1918-1920 годах по территории Урала и Сибири прокатилась братоубийственная гражданская война. Отец Николая, Иван Степанович, конечно, не мог остаться безучастным и выступил на стороне войск Сибирского пра-

вительства. Отступая с армией Колчака в Сибирь, забрал с собой семью, но после разгрома белогвардейцев в Сибири семья вернулась обратно в родную деревню. Поскольку семья жила зажиточно, дети учились, то как всегда нашлись и завистники, которые донесли куда надо, что Кузнецов старший, бывший белогвардеец, принимал участие в арестах своих односельчан, сочувствующих большевикам, является кулаком, и т.д.

Естественно, что его сын был тут же исключён и из комсомола и из техникума. Поскольку Николай пользовался уважением среди преподавательского состава, то нашлись и сочувствовавшие ему. Один из учителей дал ему рекомендательное письмо в лесничество Коми-Пермяцкого округа, в Кудымкар, где опять-таки у него не всё гладко сложилось в отношениях с правоохранительными органами. Несколько раз как лесник, имея оружие, он попадал в стычки с местными отморозками, а в 1932 году донёс в милицию на злоупотребления в лесном хозяйстве. Но стараниями обвинённых сам ока-

зался вместе с ними на скамье подсудимых, которые показали, что он донёс на них, потому что его попросту обделили. И Николая Кузнецова осудили на год условно.

Здесь впервые и обратили на него внимание органы ОГПУ: найдя у него при обыске литературу на немецком языке, порасспросили, разузнали о его увлечении языком и, очевидно, завербовали. Поскольку после отбытия наказания он оказался на Уралмаше, где работало много инженеров из Германии по наладке нового оборудования и по подготовке местных специалистов для работы с этим оборудованием. У Николая было задание: знакомиться с немцами, узнавать, о чём они говорят с советскими гражданами, чем интересуются у наших соотечественников и наоборот.

Но молодой агент проявил свою инициативу и пошёл дальше. Он стал расспрашивать спецов о жизни в капиталистической стране, культуре, быте, и, наконец, об идеологии фашизма. Где-то кому-то, видимо, о чём-то сказал. А, как извест-

но, инициатива наказуема. Колесо закрутилось, его арестовали, и теперь уже обвинили по 58-й статье: ему грозила в лучшем случае тюрьма на много лет, в худшем - расстрел.

Но опять-таки нашёлся человек, который за него заступился. Это оказался начальник ОГПУ Коми АССР Михаил Журавлёв. Узнав об аресте Кузнецова, он позвонил в Москву Леониду Райхману, возглавляющему нелегальный отдел ОГПУ, которому и рассказал о парне, идеально говорящем на немецком языке, и о грозящей ему опасности. Не забыв добавить, что именно в таких людях и нуждается разведотдел нелегалов, и которых в рабоче-крестьянской стране не так уж и много.

Результат не замедлил себя ждать. В Москве появился блондин с голубыми глазами, сын обрусевшего Немецкого колониста (отсюда впоследствии и оперативный позывной «колонист»), а ныне инженер, красный авиатор, Рудольф Шмидт. Шмидт стал заводить знакомства с представителями Германского

посольства, давая понять, что он, будучи этническим немцем, готов на всё для своей исторической родины. Не без его помощи был перевербован советник словацкого посольства, сотрудник германской разведки. Последнего подвела жадность: кроме своей второй жизни он вёл и третью, занимался спекуляцией часов, на чём его и подловил Николай Иванович. Казалось бы он имел теперь всё: зарплату сотрудника ОГПУ (хотя из-за своей биографии он был всё-таки за-штатным спецагентом), имел квартиру в центре Москвы, связи.

Но вот с личной жизнью ему не повезло. Молодой разведчик познакомился с молодой художницей, Ксаной Оболенской, проживающей на Петровке, рядом с Пассажем, на углу Столешникова переулка. Она каталась на коньках на стадионе Динамо, там их пути и пересеклись. У Николая возникли к ней чувства, которые, очевидно, он сохранил до конца своей короткой жизни. Но Ксана ему отказала. Тем не менее, уходя на своё последнее задание во Львов, пе-

редал для Ксаны письмо Медведеву, командиру партизанского отряда «Победители», и попросил его, если не вернётся, передать Оболенской. И вот в декабре 1944 года на углу Столешникова и Петровки остановился автомобиль, из которого вышел высокий полковник, сверился с адресом и прошёл в дом. Это был Медведев. Вышел от Ксаны полковник мрачным. На вопросы товарищей о реакции Оболенской на письмо Кузнецова Дмитрий Иванович лишь отмахивался рукой.

И так, с началом войны Рудолтьф Шмидт исчез, а появился обер-лейтенант Германской армии Пауль Зиберт. Но прежде чем отправить его в немецкий тыл, на базе подготовки разведчиков в Балашихе его обучали стрельбе и прыжкам с парашюта. А самое главное, он никогда не служил в армии и не знал не только армейских порядков вермахта, но даже и нашей армии. Не знал, что офицеры германской армии - это особая каста, элита арийской расы со своими традициями и устоями. Поэтому

его поместили в лагерь с немецкими пленными, где он несколько месяцев проходил «стажировку», даже играл в самодеятельности в театральном кружке.

В августе 1942 года в партизанском отряде «Победители» появился новый партизан Николай Грачёв. Произошло это так: была выброшена последняя группа отряда из 14 человек, все подошли к кострам, но последнего пришлось подождать, и вот появился тот, кого почему-то с нетерпением ждал командир отряда полковник Дмитрий Иванович Медведев. Он шёл в одном сапоге, потому что другой утонул в болоте. Подойдя, он оборвал пуговицу, разломал и достав бумажку, бросил её в костёр, это был знак для командира, что он и есть спец агент.

В отряде о нем и его деятельности могли знать единицы. Его деятельность в форме немецкого офицера в г. Ровно началась со знакомства с фронтовыми офицерами и даже с гестаповцами. Никто не мог заподозрить в нём что-то не то, никто по его речи не понял, что это не этнический немец.

Его основные заслуги: он сообщил о ставке в бункере Гитлера под Винницей, предупредил о подготовке покушения на глав государств союзников, собравшихся на конференцию в Тигеране, а также о начале Курской битвы.

Большие неприятности постигли Николая Ивановича после неудачной попытки покушения на гауляйтера – ставленника в Украине Эрика Коха. Охрана была такая, что ему бы просто не дали даже засунуть руку в карман. А погибнуть понапрасну он не посчитал нужным. После возвращения в отряд Медведев намекнул ему на трусость и на неумение разведчика пользоваться ситуацией, которую для него так тщательно готовили. На что Кузнецов ответил, что его готовили как разведчика, а не как террориста. Эти его слова были занесены в донесение в Москву и в его личное дело. В дополнение ко всему Дмитрий Иванович посадил его под арест до решения в Москве.

Но в Москве опять-таки нашлись и защитники, в частности, на этот раз за него вступился руководитель диверсионного

отдела разведки Павел Судоплатов. Он усмотрел в попытке покушения и положительный момент, ведь колонист так зарекомендовал себя у немцев, что те, ни найдя не малейших подозрений, допустили его до представителя ставки рейха на Украине. Значит, это действительно ценный разведчик, которому нет аналога.

Николай был освобождён. Но после этого он сильно изменился. Как вспоминал его друг по отряду доктор Цесарский, стал каким то задумчивым, на вопрос, что случилось он один раз ответил доктору так: «Ты знаешь! Разведка калечит психику человека!» Наверное, это действительно было так, как он говорил Цесарскому: он ходит в немецкой форме, его ненавидят свои, тогда, как он тоже подружившись с некоторыми немцами, все равно их должен считать врагами.

А вообще, он немцев подразделял на три группы: мобилизованные, те кто были оторваны от семей, от привычных занятий, другие – кто, как кадровые военные

должны были исполнять свой долг, и небольшая группа фашистов – фанатов.

Конечно же, этот инцидент с Медведевым в обвинении его в трусости повлиял на все его дальнейшие действия: он начал расстрел представителей немецких руководителей среди бела дня, как по разрешению командования, так и по собственной инициативе. Им был убит один из замов Коха Гель – судья Функ, похищен генерал Ийгель – командир восточного легиона состоящего из наших русских предателей. Всего он уничтожил 8 представителей германского командования.

В декабре 1943 года Кузнецов был награждён орденом Ленина. В декабре в отряд «Победители» нагрянула делегация Ровенского подпольного обкома во главе с его руководителем, бывшим первым секретарём Обкома партии, Бегмой Василием Андреевичем. Был устроен праздничный банкет. И Бегма вдруг стал рассказывать, что какой-то парень в немецкой форме стреляет немецких генералов среди бела дня,

наводя на них ужас. Николай Кузнецов присутствовал здесь же за столом. И тут полковник Медведев допустил непоправимую ошибку, или, думая, что скоро их борьба в тылу врага завершается, так как Красная Армия наступая приближается к Ровенской области, толи так был уверен в своих товарищах по партии, толи в то и другое. Но дав знак молчать комиссару Лукину, вдруг сам сказал Бегме, указав на Кузнецоввa, что вот этот парень здесь.

И буквально уже через две недели немцы знали всё о нашем герое, включая его приметы, имя и т. д. Конечно, возможно, это просто случайное совпадение. Но бывший следователь, а ныне исследователь Олег Ракитянский, и исследователь деятельности Кузнецова Лев Манасов, считают именно неслучайным факт застолья с Бегмой.

Очевидно, так считала и одна из помощниц Николая Ивановича - Лидия Лесовская, так как после освобождения Ровно, заявила, что она выведет всех подпольщиков на чистую воду, и где надо

докажет, кто чем занимался во время оккупации, и полетят многие высокие головы. А 26 октября, когда она была вызвана в Киев, на машину, в которой она ехала вместе со своей сестрой, напали бандеровцы, и она была убита. Это тоже случайность?

Вернувшись к нашему герою, скажем, что после упомянутого праздника, он был отправлен уже в звании капитана во Львов. Но там его постигли неудачи, все явки оказались провалены, связные арестованы. Поэтому связь с командованием у него пропала. Совершив ещё несколько актов возмездия, в сопровождении Белова и поляка Каминского он решил покинуть Львов, где на него уже полным ходом началась настоящая охота.

При выезде из города им пришлось уже пробиваться, отстреливаясь. Была потеряна машина. Оказавшись в лесу, казалось бы можно расслабиться, но не тут то было. Что тогда представлял из себя Галицко-Волынский лес? Он был нашпигован разного рода отрядами сопротивле-

ния: «Бандеровцами», «Мельниковцами», «Бульбашами», «Аковцами» – отрядами польского сопротивления, просто стихийными отрядами. Отрядов, связанных с командованием в Москве, на тот момент не было.

Были и еврейские отряды самоохраны. На один из таких отрядов и вышли разведчики. Но там свирепствовал тиф, и они не рискнули там долго задерживаться. Взяв в провожатые подростка под фамилией Куба, который до сих пор живёт в Израиле, пошли на восток, ночью вошли в село Борятино. Видимо, подросток распрощался с ними и вернулся к своим. Это уже следует из расследования, которое проводил соратник Николая Ивановича – Николай Струтинский – после войны работавший в органах МГБ и КГБ.

Они постучались в хату Степана Голубовича. Тот их впустил, как только сели за стол ужинать, как открылась дверь, и зашёл бандеровец по кличке Махно. За ним ввалилось ещё человек восемь. На команду поднять руки гости

ни как не прореагировали, тогда националисты стали требовать предъявить документы, и сказать, кто такие. Видимо, Николай Иванович, понял безвыходность положения, но такого подарка, как сдаться живым, предоставить им не мог. Сделав вид, что достаёт зажигалку, неожиданно подал знак своим товарищам, один упал, а другой, схватив портфель, выбил раму и выпрыгнул в окно, но, видимо, был застрелен, так как портфель впоследствии бандеровцы передали немцам.

А Николай Иванович привёл в действие имевшуюся у него противотанковую гранату. В 1959 году была произведена эксгумация захоронения в селе Борятино мед-экспертом Герасимовым. Проведённая экспертиза подтвердила принадлежность останков Николаю Кузнецову.

Мой украинский оппонент Александр Виницкий доказывает, что не мог человек, родившийся в глубокой уральской деревне, иметь такую речь, чтоб не отличаться от немца. Я посоветовался по это-

му вопросу со своими преподавателями: с заведующей кафедрой Гузиковой М. О. и старшим преподавателем по немецкому языку Портнягиной В. О., а также со своим братом – переводчиком. И вышло, что не случайно к его легенде была привязка немца Восточной Пруссии, территории Кенигсберга, где проживали преимущественно славяне, и если и был славянский акцент, так сие объяснимо.

Панов Юрий Иванович

Подарок Победы

Мне запомнился День Победы вот чем. Рано пришел отец с работы. Был «навеселе», и давай раздавать всем подарки. Маме – корчажку меда, баночку сгущенки, которая открывалась ключиком вокруг банки. А мне – американский костюмчик цвета хаки. Брюки, курточка и кепочка с козырьком в два пальчика и с петелькой наверху.

Я одел обновку. И вышел на улицу. Ребята увидели, обхохотали меня. Я прибежал домой, все это снял и больше ни разу не надевал.

Как ни странно, когда пришел на работу, мне выдали спецовку такого же цвета хаки. Она была велика. Пришлось подшивать брюки. До того дошили, что получились – шорты. Поэтому спецовку цвета хаки я тоже ни разу не надевал.

Встреча с Маршалом

Был хороший день 1947 года. Мы с ребятами бегали у речки. Один мост – ремонтировали. По другому – ехала легковая машина черного цвета с белыми ободками. Она остановилась, не могла проехать. Мы набежали, заглянули вовнутрь. Сидел большой военный начальник с молодой женой. У них была дача на Балтыме. Он стал расспрашивать, как живем. Каждому подал руку.

Потом мы узнали, что это был Георгий Константинович Жуков.

Ермакова
Елена Анатольевна

Война – это не кино

Рассказ о моем дедушке

Строго не судите. Дед Калина, так мы его называли, не любил рассказывать о войне. Всегда, когда его спрашивали, он плакал. И поэтому недавно всей родней мы сели и написали про дедушку рассказ – это моя мама, тетя, моя крестная, и я с двоюродной сестрой. Мама и тетя вспоминали все, что им рассказывал отец, а мы с сестрой были самые младшие (дедушка лишь подержал нас на руках), мы помогали формулировать. Вот тот рассказ, который мы написали.

Зимним морозным вечером в старом деревенском доме в деревне Верховино собралась большая дружная семья у экрана телевизора. По телевизору идет художественный фильм о войне. И лишь глава семьи не смотрит телевизор, он сидит у печи на своем любимом ме-

сте, он сидит и плачет. Что вызвало слезы у Калины Ефимовича? Этот фильм, который шел по телевизору, нахлынул воспоминаниями о войне. Он вспоминал свою войну, вспоминал холод и голод на Кольском полуострове, когда служил на Финской войне, еще до начало второй мировой. Он вспоминал, как болели тифом, цингой…

Когда началась вторая мировая война, он вспоминал, как немецкие танки безжалостно танцевали на русских окопах, как его немецким танком зарыло в окоп, закопало заживо, он едва остался жить. То, что выживет человек или нет, это как русская рулетка, случайность. Его откопал земляк. Потом они три дня ползли, пробирались к своим из окружения. Сидели в воронке, боялись поднять голову, потому что их могли убить. Потом дед вспоминал стоны погибающих товарищей, последние крики «мама» погибающих в бою безоружных новобранцев. Вчерашние школьники, они не были готовы к войне.

И конечно, дед вспоминал, за что ему дали орден Великой Отечественной войны второй степени. Он служил в стрелковой роте в автоматном батальоне. Получил задание охранять командный пункт. Он несколько дней без сна и отдыха охранял этот командный пункт, иначе армия просто не смогла бы воевать дальше. И вот он вместе с однополчанином Зубковым охранял пункт, систематически переходил в контратаку, и за выполнение задания ему дали орден в феврале 1945 года. А 15 марта 1945 года ему дали медаль за оборону Заполярья.

За свою долгую жизнь он воспитал пятерых детей и девять внуков. Я предпоследняя внучка – наследница Победы. Когда дед узнал, что я родилась незрячая, он плакал. Он видел, как теряют зрение в бою солдаты, как незрячие адаптируются в госпиталях, как живут военнослепшие. Но он не знал, что сейчас жизнь дает незрячим больше возможностей, больше вариантов для самореализации. И, соответственно, я считаю, что нужно

прожить так, чтобы быть достойной этой Победы, чтобы дедушка мной гордился. И всеми нами. Спасибо.

Михеев Андрей, Скрябина Татьяна Леонидовна

Лица войны: мой прадед-связист

(рассказывает правнук)

Здравствуйте! Меня зовут Михеев Андрей, я учусь в 8 классе школы имени Мартиросяна в Верхней Пышме. Сегодня я расскажу вам о своем прадедушке-фронтовике.

Мое поколение уже настолько далеко от событий Великой Отечественной войны, что о ней мы знаем только лишь из учебников истории, художественных произведений и фильмов. Все меньше ветеранов войны остаются в живых, и тем более важной становится проблема сохранения памяти о тех тяжелых годах.

Моя семья каждый год принимает участие в шествии «Бессмертный полк», не исключением станет и день 9 Мая этого года. И даже моя сестренка, которой

летом исполнится всего четыре года, вместе с нами участвует в мероприятиях, посвященных чествованию ветеранов и знает про своего прадеда, который служил на войне связистом, был ранен, награжден медалью «За Отвагу».

В годы Великой Отечественной войны в полной мере проявился патриотизм советского народа. Защита Родины была делом чести огромного числа граждан страны.

Одной из главных задач стала организация связи для управления страной и боевыми действиями армии. Связисты доставляли в штабы необходимую информацию; обеспечивали оповещение войск об обстановке, о действиях противника; своевременно передавали в части боевые приказы и распоряжения командования.

Мой прадедушка, Шорохов Михаил Евгеньевич, призванный в армию в декабре 1941 года, имел звание гвардии красноармеец. Его боевой путь прошел через всю войну, но даже после ее окончания прадед не сразу вернулся к се-

мье, а участвовал в августе и сентябре 1945 года еще и в советско-японской войне.

Из рассказов моей бабушки Зои – дочери моего прадеда – я знаю, что прадед был ранен, а за проявленное мужество и отвагу в бою удостоен медали «За Отвагу». Бабушка говорила, что ее отец не любил рассказывать о войне, поэтому со слов отца она мало что знала о его боевом пути.

Мы с мамой нашли сведения о моем прадедушке на сайте «Подвиг народа». Здесь опубликован архивный документ – Наградной лист с описанием подвига. Теперь я знаю, что прадед Михаил был не только связистом, обеспечивающим наведение телефонных линий, но и ездовым, то есть отвечал за образцовое содержание лошадей.

А 17 августа 1944 года, в обстановке жестокого боя на левом берегу реки Висла, когда враг особенно яростно вел огонь, мой прадед, пренебрегая опасностью и не дожидаясь команды, выбегал на линию и устранял прорывы.

За проявленную отвагу телефонист и повозничий 18-ой гвардейской отдельной роты связи 13-ой гвардейской стрелковой полтавской Ордена Ленина дважды краснознаменной и Ордена Суворова дивизии гвардии рядовой Шорохов Михаил Евгеньевич удостоен правительственной награды – медали «За Отвагу».

Медаль «За Отвагу» – одна из наиболее почетных советских солдатских наград. С самого момента появления эта медаль особо ценилась у фронтовиков, так как ею награждали исключительно за личную храбрость, проявленную во время боевых действий.

Медаль была круглой, на лицевой стороне располагалось изображение трёх самолетов, под которыми была надпись «За отвагу». Под надписью – изображение танка Т-28. С помощью кольца и ушка медаль соединялась с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой лентой серого цвета.

Эта медаль до сих пор хранится у одного из детей моего прадеда.

Тяжелым то время было и для семей, ожидающих фронтовиков дома.

Воспоминания детей моего прадеда.

Зоя Михайловна: «…когда началась война, у мамы с папкой было уже четверо детей – Володя, Валя, Саша, Галя. Я родилась уже после войны. Но и тогда тяжело было. Мы, маленькие дети, по ночам бегали на картофельное поле, собирали мерзлую картошку. Ели. А ведь даже и за это могли в тюрьму посадить. Даже очистки от картошки берегли, варили потом, и тоже в пищу. А отец не любил вспоминать про войну. Говорил, что лучше нам не знать этого. Дважды ранен был. А осколок после ранения так до конца жизни и остался у него под лопаткой»

Надежда Михайловна: «…а я помню из рассказа отца только то, что шел бой, закончились патроны и отца посылают за ними, а когда возвращался с ними – перелезал через забор, и вдруг пуля попадает в ящик с патронами. И, конечно, ранило. Пуля эта прошила левую или правую лопатку. Рана осталась глубокая. Но патроны он доставил или к нему

на помощь подоспели. Это было под Витебском. Дальше – госпиталь»

Всего у моего прадеда и его жены Марии Михайловны десять детей.

Шесть сестер и четыре брата создали крепкие, дружные, большие семьи. Счет внуков, правнуков и праправнуков фронтовика и его жены – матери-героини – идет на десятки. Нас уже больше ста человек, и семья все растет!

Мы чтим память о наших предках и благодарны им за крепость семейных уз и мирное небо над нами!

Крикунова Пелагея Терентьевна, Штритер Александр Александрович

Воспоминания о работе в военное время

Крикунова Пелагея Терентьевна, уроженка Зимовниковского района Ростовской области, хутор Владимировка, 1926 года рождения, ветеран Великой Отечественной Войны.

В 1941 году с началом войны Пелагея Терентьевна вынуждена была уйти из школы и работать в колхозе имени Владимира Ильича.

Приходилось совсем еще девчонкой выполнять тяжелую мужскую работу, так как все мужчины призывного возраста, работавшие в колхозе, ушли на фронт.

В начале 1942 года немцы активизировали свое наступление по направлению к Сталинграду. Линия фронта как раз

проходила через ту местность, где жила Пелагея Терентьевна.

Все трудоспособное население близлежащих населенных пунктов было организовано на рытье оборонительных окопов для наших солдат. Рыть окопы приходилось в очень тяжелых условиях. Как вспоминает Пелагея Терентьевна «в конце февраля - в начале марта было еще достаточно холодно, особенно по ночам. Одеты мы были плохо. Днем началось весеннее снеготаяние. Грязь, вода, сырой снег усложняли нашу работу. Ночью наша мокрая одежда превращалась в ледяной панцирь, было очень холодно и голодно.

Все это еще можно было пережить. Хуже было, когда внезапно над нами начинали кружить немецкие самолеты, устраивая за каждым из нас настоящую охоту. Мы прятались, где придется. Любая ямка, овражек или канавка, наполненные ледяной водой и грязью, для нас казались, пусть сомнительным, но все же спасением. Я как-то была свидетельницей, как немцы гоняли по полю моло-

дую женщину, пока не убили ее с самолета пулеметной очередью. Было очень страшно. С ощущением этого страха я иногда просыпаюсь по ночам до сих пор».

Пелагея Терентьевна продолжает вспоминать: «В режиме немецкой оккупации мы находились меньше года. В нашу деревню немцы приезжали на мотоциклах только за продуктами и, слава Богу, не так часто.

Наша местность была освобождена от немцев где-то в апреле 1943 года после победоносного разгрома немецких армий под Сталинградом.

И опять в помощь фронту из молодых колхозников как я были созданы бригады для строительства копаниров. Это большие сооружения из одних стен без крыши, за стенами которого можно было укрыть самолет».

В 1944 году из работников нескольких колхозов была организована трудармия для работы в промышленных отраслях страны. Пелагея Терентьевна была направлена на работы в Донецкое рудо-

управление на угольную шахту 3-бис. Молодой девушке не было и 18 лет, а ей приходилось выполнять тяжелую работу на много метров под землей в качестве откатчицы вагонеток с углем по горизонтальным штрекам до подъемников.

Пелагея Терентьевна вспоминает случай, когда она чуть не погибла и чудом спаслась от случайно сорвавшейся сверху порожней вагонетки: «Вышла на работу в очередную смену и стала спускаться под землю по наклонному штреку, по которому обычно скатывают порожние вагонетки вниз за рудой. В это время скат вагонеток никогда не осуществлялся. Вдруг слышу за спиной сверху шум, крики, грохот, лязг металла. На мое счастье в стенке штрека оказалась не большая ниша, в которую я инстинктивно вжалась до боли во всем теле, и в ту же секунду мимо меня с грохотом в каких-то миллиметрах от моего тела на огромной скорости пронеслась вниз вагонетка».

День Победы Пелагея Терентьевна встретила, работая еще на шахте.

В сентябре 1945 года Пелагея Терентьевна вернулась домой в родные края, где ее ждали трудовые будни, но уже в мирное время

ЧАСТЬ 2

Стихи

Кирьянова
Татьяна Павловна

Клятва Российских солдат

Мы не дрогнем в боях за Россию!
Не отступим назад ни на пядь!
За Урал наш родной и любимый
Постоим мы опять и опять!

Наши танки идут величаво,
В небо грозно орудья подняв!
Одолеем врагов - супостатов,
Не дадим им вернулись назад!

Наши дети пускай спят спокойно.
Наши матери пусть не грустят.
За родную страну, за свободу
Свою клятву дал каждый солдат.

И настанет пусть мир во всем мире!
И забудутся звуки войны,
Ведь Российский солдат он не гибнет,
И в гиене огня не горит!

Твердо верю я в заповедь эту!
Твердо верю я клятве солдат,
Я ведь знаю надежнее нету
Наших русских хороших ребят!

Тем утром началась война

Тем утром началась война.
От взрывов вздрогнула страна.
В мечтах мы видели судьбу иную.
Услышав утренний набат,
Наш класс спешит в военкомат,
Чтоб землю нашу защищать родную.

Фашистам дали мы ответ!
Сейчас нам уж немало лет.
Мы молоды с тобой душой, не телом.
И пусть стрелой летят года.
Мы не забудем никогда
Как за комбатом шли отчаянно и смело.

Быть может, скоро мы помрем.
Ну а сегодня мы поем
О детях наших, о любви, о мире.

Нам по-другому жить нельзя.
Мы приглашаем вас, друзья.
Вы приходите, круг наш станет шире.

Тем утром началась война.
Мы чашу выпили до дна.

Панов Юрий Иванович

***

Атака страшная была…
Набрел солдат на старый стог.
Видно, судьба его вела.
Он жить хотел и выжить смог.
Улегся, спрятался в стогу.
«Я победил! Я не могу!»
Уснул, и чудится во сне
Как будто кто-то шепчет:
«Устал солдат, устал солдат».
И грудь погладил.
Очень рад. Солдат проснулся.
На груди мышка малая сидит.
И доверяется ему.
Война обоим ни к чему.
Из гимнастерки ее он достал.
И полегоньку поглаживать стал.
Да, тихонько на шейку подул.
«Тебе будет, мышка, солдатский прогул.
А я вот, наверно, преступником стал.
Хотя, победил, и немного устал».

Скажем войнам: «Нет!»

Я стою у ворот Бранденбурга.
У ворот Бранденбургских стою.
Разговариваю по-русски
Потому, что я русский люблю.
Я люблю ту Россию, где вырос.
Где дома были сердцу милы.
Где приветствовал солнце и сырость
И зовущие тайны углы.
Где поля, и леса и угоры,
И дороги, зовущие вдаль.
И народные те разговоры,
Что наводят на смех и печаль.
Всем богата Россия.
Красива, умна.
Только часто Россию
Посещает война.
Не пройдет поколения,
Чтобы не испытать.
Нет войны - наступает
Будто бы благодать.
А потом снова кровь,
Снова смерть.
И живет в этом мире
Русь моя – круговерть.

А так хочется мира,
Тишины и покоя.
И богатым и сирым –
Этот мир мы построим.

Грин Яков Тевьевич

Война

Война – это папа на фронте,
Война – это мама плачет,
Война – это все по-другому,
Война – это все иначе.

Война – это нечего кушать,
Война – это хлеба мало,
Война… ради нас с сестренкой
Кровь наша мама сдавала.

Война – это госпиталь в школе,
Война – это третья смена.
Война – мы все делаем сами,
Моем полы в перемену.

Война – перемерзшие трубы,
Война – носим воду с речки,
Война – это холодно дома,
Война – мало дров для печки.

Война, семилетку окончив,
Война… отложив тетради,
Ушли на заводы подростки
Рабочей карточки ради.

Война – похоронки в конвертах,
Ждем треугольник без марок.
Война – эти весточки с фронта…
Дороже найди подарок!

Война – долго не было писем,
Война – пришла похоронка,
Мама в тридцать вдовою стала,
Сиротами мы с сестренкой.

Война – миллионы убитых,
Увечных, навек пропавших.
Война – кто теперь сосчитает
Девчат, матерями не ставших?

Война – это страшное слово.
Зачинщикам нет прощения.
Прошу вас, помните, люди –
Любая война – преступленье!

Лобанов
Вячеслав Владимирович

Нам другого не будет пути
С каждым годом все реже наш строй,
Воедино слились фронт и тыл,
Мы ведем заключительный бой,
И горят за спиною мосты.
Пусть от взрывов земля не дрожит,
Да и пули вокруг не свистят…
Валидол под язык положив,
Свою жизнь вспоминает солдат.
В сорок первом сказал военком:
«Ты успеешь еще на войну…»
И мы с Лехой из дома тайком
Защищать убежали страну.
И в неполных семнадцать уже
Мы стояли, «ни шагу назад»,
На последнем своем рубеже…
А теперь вот слезятся глаза,
Стали руки порою дрожать,
Часто хочется лечь, отдохнуть…
А в душе вновь готовы сбежать,
Как и в юности, мы на войну,
И полмира в мороз или в зной

Прошагать, пропахать, проползти,
И с Победой вернуться домой,
Нам другого не будет пути.
Подставляя друг другу плечо,
С гордо поднятой вверх головой,
Кто остался, поднимем еще
За Победу мы тост фронтовой.
Пусть горят за спиною мосты,
И редеет наш сомкнутый строй,
Нам едины теперь фронт и тыл,
Мы ведем заключительный бой.

Мельникова Маргарита Дмитриевна

Ветеран

Я помню, шла дождливым утром в школу,
Не выспавшись и лопаясь от злости,
Пинала глупо банку из-под «Колы»,
Вдруг слышу сзади стук, клюки иль трости.

Я обернулась. Банка – вот так штучка!
Взлетела, отскочила, словно пуля.
Вдруг я спросила: «Вам помочь, дедуля?»
«Переведи через дорогу, внучка!»

Я присмотрелась к деду – с тростью белой
Он медленно шагал до перекрёстка
Походкой неуверенной, несмелой,
В одежде чистой, но совсем не броской.

Ему на вид лет девяносто было,
Но удивительно – спина прямая.
Я поняла: он воевал, служил он,
Он подарил нам мирный воздух мая!

Взяла я деда бережно под руку,
Неспешно перешли мы с ним дорогу.
В его глазах незрячих тлела мука,
А на лице - неявная тревога.

« Дедуля, милый, Вы куда идёте?
Быть может, проводить до магазина?
Как в этих лужах Вы свой путь найдёте?»
« Скажи - ка лучше, как зовут!»
« Марина!»

«Марина? Рад знакомству! Глеб Петрович».
Старик едва заметно поклонился.
« Как мало юных в обществе сокровищ,
Кто б подойти к слепцу не поленился!»

« Ну что Вы, Глеб Петрович, мне не сложно!
Шагайте, аккуратно, 3 ступени...»
« Ах, Вы со мной, как с вазой, осторожны,
А я войну прошёл и на колени
Перед врагом не встал. В плену я выжил.
Ослеп почти за месяц до Победы.
Теперь совсем седой, а был ведь рыжим!»
Хотелось плакать от рассказа деда!

Панова Татьяна Юрьевна

Имена Победы

Баллада о деде
Катаеве Александре Федоровиче

Имена Победы не забыты,
Есть они у каждого в семье.
С пожелтевших фото взор открытый
Вновь расскажет о своей судьбе.

Юноша с душой максималиста
Добровольцем, как и все на фронт спешил:
«Мать, не плачь, мы разобьем фашиста,»-
На перроне Сашка говорил.

Чмокнул в щечку, озарил улыбкой.
Разве мог тогда представить он,
Как под беспощадной авиабомбежкой
Будет их разгромлен эшелон.

Госпиталь. Очнулся. Был с раненьем.
Ничего, что боль пришлось терпеть.

Не пройдя крещение сраженьем,
Как другие, мог он умереть.

Раны быстро залечить сумели,
Месяц незаметно пролетел.
Вновь услышав, как прощаясь, поезда гудели,
Сашка от испуга побелел.

Знает он теперь, как смерть приходит.
Знает, как вторую жизнь дает.
Вот на Ленинградский фронт танкистом он уходит,
И победы легкой уж не ждет.

На войне как на войне бывает,
День идет за днем, за боем бой.
В башню танка залп орудий попадает.
Снова – в госпиталь с разбитой головой.

Есть пришлось полгода через трубку,
И не мог полгода говорить.
Челюсть раздробило не на шутку.
Хорошо, что жив и будет жить.
После тех ранений комиссован
И медалью за сраженье награжден.

Мирной жизнью был не избалован –
В сорок два от ран скончался он.

Много времени с тех пор уж пролетело.
Не осталось подтверждения о доблести его наград.
Но о подвигах своих расскажет смело
С пожелтевших фото молчаливый взгляд.

Посвящается моему прадеду
Сорокину Петру Дмитриевичу

Зоркий глаз. Был парень молодой
Срочно призван из училища на фронт Кавказский.
«Будешь снайпером. И путь твой боевой
С вещмешком, винтовкой в крепкой связке».
Переходы – только по ночам.
Проводник, из местных. Тихим, быстрым шагом…
И когда вершины покорял,
Сам не верил: «По отвесной! Смог! Но, как он?!»

Дождь. И холод камня. Но, нельзя
Шелохнуться, сделать лишнее движение.
На прицеле час, который ждут врага.
Им не привыкать к обмороженьям.
Склон обледенел. Промокший вещмешок.
Ждут погоду, не смотря на голод и потери.
И плечо к плечу идет в сраженье новый паренек…
С доблестью врага мы одолели!
Дальше был Дальневосточный фронт.
Там наводчик, и раненье в ногу.
Дождались! Декабрь сорок пятый год.
Пусть на костылях, живой вернулся он к порогу!

Сидорова
Людмила Александровна

Наше время

Подошло то время - будем вспоминать,
Все невзгоды, горести, вновь перебирать.
Со страной великой побеждать мы шли.
Мир, покой, свободу людям принесли.
Так случилось в жизни, к нам пришла война.
Вдовы и сироты – в разрухе вся страна.
Но, лихое время не сломило нас.
Побеждать и строить – лозунг, как приказ.
Вот, в такое время суждено нам жить.
Дружбу, труд, свободу сумели сохранить.
Стойкость, одержимость – общий наш успех.
Радость в мирной жизни и ребячий смех.

Для заметок

Для заметок

Литературно-художественное издание

УРАЛЬСКИЕ НОТЫ
В ПОБЕДНОМ ХОРЕ

(75-лению Великой Победы:
творчество читателей)

Издание укрупненным шрифтом
для слабовидящих

Составитель:
Епишина ТАтьяна Ивановна

Компьютерная верстка:
Харламцева Анастасия Романовна

Контакты
(343) 212-15-88, info@sosbs.ru

www.sosbs.ru

